"Во славном во городе во Рыме..."

Во славном во городе во Рыме,
При славном царе было при Онорье,
У великого князя Ефимьяна
Не было у него детища единого.
Ходили в собор Богу молиться,
Молитися Богу со слезами,
Со праведными со трудами,
У Господа милости прошати:
«Господи, царь небесный,
О свет пресвятая Богородица!
Ты воззри на мое умоление,
На слезное на рыданье!
Создай ты мне детище единоя
При младости князю на потеху,
При старости князю на призрение,
При смертном часу́ на помин души!»
Услышал Господь Бог молитву его:
Создал ему детище единоя,
При младости князю на потеху,
При старости князю на призрение,
При смертном часу́ на помин души.
Соежжались князья и митрополиты
Во собор Богу молиться,
Нарекали ему имя Алексия
Божия человека.
Будет Алексей семи лет,
Поволил ево батюшка грамоте учити,
Скоро ему грамота далася,
Он выучился скоро и писати.
А будет Алексей на возросте,
На возросте — двенадцати годочков,
Поволил ево батюшка женити,
На той на обрушной на княгине.
Повели ево в Божию церковь,
Златыя венцы предстояли,

Златыми перьстнями обручали,
Спасителевым образом образ…1,
При полной чаши выпивали.
Повели Алексия из божией церкви в высок терем
За те столы за дубовыя,
За скатерти за бранныя,
За ества за саха́рныя.
Как возговорит батюшка Ефимьян-князь:
«Ой же ты, чадо мое возлюбленное!
Что ты невесело поступаешь?
Или тебе княгине не по мысли?
Ответу-привету: Алексей не давает.
Повели Алексия на наложню,
На тое на тесовую на кроватку,
На тое ли на пуховую перину.
Он возговорит обрушной-те княгине:
«Ой же ты, обручная княгиня!
Ты станешь ли со мною заедин Богу молиться?
Промеж нас будет Святой Дух!»
Княгиня ему ничево не возговорила.
Слезал Алексей со кровати,
Снимает с себя шёлков пояс,
С правой руки златой перстень:
«А вот тебе, обрушная княгиня!
А мне потить погуляти,
За батюшкин грех помолитцы,
За матушкин грех потрудитцы».
Подходит он ко синему морю,
На море погода становилась.
Становилсы тут на море кораблик,
Садилсы Алексей во кораблик.
Без страху он моря переехал.
Подъезжает ко городу ко граду,
Ко той ли божией ко церкви.
Становился он по правую сторону попе́рти.
Ефимьян-князь своего сына хватилсы.
Он погонюшку за ним, светом, гоняет,
До тово ли до синева до моря,
До тово ли до города до града,

До той ли до божией до церкви.
Он милостыню раздавает,
Ево света — не узнает.
Он милостыню принимает,
По нищей по братии раздавает.
Увидела мать пресвятая Богородица.
Речет она церковному понамарю:
«О гой же ты, церковной понамарь!
Возми Алексея в божию церковь,
Не достойно ему тут стояти».
Идет он, свет, чистым полем,
Настречю ему батюшка Ефимьян-князь:
«Создай ты мне милостыню святую,
Поставь ты мне келейку темну́ю,
Ради своего сына Алексия!»
Ефимьян-князь оглянулсы,
Он за слово увязалсы,
Ему слово полюбилось:
«Ой же ты, нищей-убогой!
Почём моего сына Алексия знаешь?
Почём ты ево, света, величаешь?» —
«А как мне ево, света, не знати?
Мы с ним вместе грамоте учились,
С одново блюдичка хлеб-соль воскушали,
По просфире на день питались». —
«Ой же ты, нищей-убогой!
Гряди же ты за мною:
Создам я тебе милостину святую,
Поставлю келейку темну́ю,
Ради своего сына Алексия
Да Божия человека.
Ой же ты, Мать Пресвятая!
А мне Алексия не узнати!» —
«А как ево, света, не узнати?
Стоит он по правую сторону на попе́рти,
Он молится Богу со слезами,
Со праведными со трудами».
Взяли Алексия в божию церковь:
«Ой же ты, Алексей, Божий человече!

Ты Богу ли пришёл помолиться,
Ко мне ли пришёл приложиться?» —
«Я Богу пришёл помолиться,
К тебе я пришёл приложиться». —
«Ой же ты, Алексей, Божий человече!
А где тебе мощи положити?» —
«А мне мощи положити
Во славном во городе во Рыме,
При славном царе при Онорье,
У великого князя Ефимьяна.
Ой же ты, Мать Пресвятая!
Дай ты мне волосы по плечи,
Чтобы меня дома не узнали».
Дала ему волосы по плечи.
Идет он себе чистым полем.
Трудилсы свет тридцать лет и четыре:
Во всяку неделю исповедалсы,
Во всяку суботу причащалсы;
Не часто сорочки перменяли,
Помои на келью возливали.
И тут он свет не прогневилсы:
Со радостию нужду принимает.
Собирались князья и бояра
И духовныя люди — митрополиты
Во собор Богу молиться:
«А что́ у нас, братцы, в городе ладаном запахло,
Ладаном фимияном?
Никак у нас не простый человек преставилсы?»
Возговорит батюшка Ефимьян-князь:
«Не у меня ли труженик трудилсы?
Не он ли, свет, переставилсы?»
Ко келейке подходили,
Никому келейка не отворилась,
Отворилась батюшке Ефимьяну-князю;
Написано в правой руке рукописанье,
Никому рукописание не дается.
Далася батюшке Ефимьяну-князю.
Не читает он столко, сколко плачет,
Во слезах словечюшка не промолвит:

«Ой же ты, чадо мое возлюбленное!
Зачем ты мне в ту пору не сказалсы?
Поставил бы я келью не такую,
Еще бы не в едаком месте;
Поил бы, кормил своим кусом!»
Проведала матушка родима,
Бежит ко святому, сама плачет,
Во слезах словечушка не промолвит:
«Ой же ты, чадо мое возлюбленное!
Зачем ты мне в ту пору не сказалсы?
Поставили бы келью не такую,
Еще бы не в едаком месте;
Поила бы кормила своим кусом,
Почаще бы сорочки перменяла,
Помой бы на келью не возливала».
Проведала обрушная княгиня,
Бежит ко святому, сама плачет,
Во слезах словечушка не промолвит:
«Ой же ты, жених мой возлюбленной!
Зачем ты мне в ту пору не сказалсы?
Пошла бы я с тобою
Заедин Богу молиться,
Промеж бы нас был Святой Дух!»
Понесли Алексия хоронити.
Ефимьян-князь свою казну разделяет,
На все на четыре стороны рассыпает:
Народ на казну не качнулсы,
Качнулсы ко Алексею простицы.
Ко святым мощам приложитцы.
От тех святых мощей давал Бог великое прощение,
Безумным давал Бог разум,
Глухим давал Бог прослышенье,
Слепым давал Бог прозрение,
Всему миру исцеление.
И во веки веков аминь.

(Рум.)

Калеки перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова, Москва, Ч. 1. — 1861.